

14 октября 1925 года родился известный поэт и драматург
Наум Коржавин

Как чувствовать себя уместным

Вспоминаем вместе с Наумом Коржавиным.

— Наум Моисеевич, вам никогда не хотелось поменять время, в котором вы родились?

— Это интересный вопрос. Ну, в общем, нет. Я жил тяжело — это правда, но в целом я был счастлив. У меня были жуткие моменты, но в принципе жизнь была счастливой. Я чувствовал себя уместным.

— А что давало это счастье? И уместность?

— Творчество. Ощущение России.

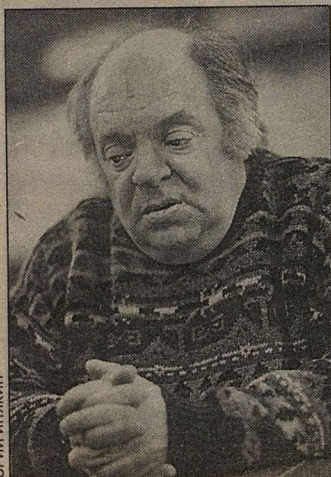
— И что это было за ощущение?

— Я родился на Украине, в Киеве, и в Россию приехал только во время войны. Во-первых, я оказался в стране своего языка. Во-вторых, я увидел связь между культурой России и ее народом, чего многие не видели. Я людей увидел. Я работал на заводе, рабочий из меня был никакой, но вот людей я видел. И очень многих любил. Я верил в предназначение России. Я еще и сейчас немножко верю.

— Какое время было лучшим в вашей жизни? Какое обладает самым мощным «радиоактивным» излучением в судьбе?

— Самое лучшее время в моей жизни, когда я понял, что не только сталинизм, но и настоящий коммунизм — это заблуждение духа, и стал свободным человеком. Это было во второй половине 60-х годов, до исторических встреч руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией, до чехословацких событий... Мне тогда казалось, что я живу в нормальной, то есть в нормально плохой стране. Я еще не понимал, что это жизнь на наклонной плоскости.

И тогда мне открылся мир реальных ценностей, я понял, что такое поэзия. У меня книжка вышла, маленькая, но все-таки моя. И пьеса пошла в Театре Станиславского, и с успехом. Я чувствовал сочувствие людей. И надеялся. Но вышло все не так.

ЮРИЙ ИНАКИН

— Что вы сейчас пишете?

— Я сейчас пишу мемуары.

— Это продолжение «Соблазнов кровавой эпохи»?

— Да. Я уже написал третью часть — о Москве 40-х годов. О моем аресте. О ссылке. О моей жизни в сибирской деревне, где я страдал и был счастлив. Потом я уехал из ссылки, приехал в Караганду, поселился там. Воспоминания мои доходят до 1957 года, когда я отказался от коммунизма, и на этом «Соблазны кровавой эпохи» кончаются. Начинается другая биография, точнее, другой ее этап. Если доживу, напишу о своей литературной биографии, но это уже будет другая жизнь — в мире абсолютных ценностей. Любый мужик, впрочем, живет в мире абсолютных ценностей. Только идейные люди — исключение. А я не идейный. Я, конечно, очень многое люблю, и мне хочется, чтобы Россия была счастлива, но это не идея, а отношение к жизни.

— Как вы будете праздновать свой день рождения?

— Здесь, в Бостоне, устроить вечер, но не в сам день рождения, а попозже, 27 октября. А потом я поеду в Россию, в Москву.

Елена ЯКОВЛЕВА

Известия. - 2000. - 6 окт. - с. 7